

Старый друг уже не тот, что прежде (часть 18)

Тот человек лежал на кровати, скорчившись; его тело уже сковала смертная неподвижность. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: последние мгновения его жизни были полны нестерпимой агонии.

Но черты его лица не были искажены судорогой боли. Напротив, оно казалось пугающе безмятежным, словно Чао Цы встретил свой конец с полным, почти отрешенным спокойствием.

Лу Янь стоял над ним. Их разделяли считанные дюймы, но эта близость казалась непреодолимой пропастью. Он протянул руку, но стоило пальцам коснуться тела, как он тут же отдернул их, словно от удара током.

Его глаза налились кровью, но он сам того не замечал. Он лишь неотрывно смотрел на лежащего перед ним человека, и всё происходящее казалось ему чудовищным, нелепым гротеском.

Как он мог просто... умереть?

Когда уходит тот, кто был дороже жизни, первой реакцией становится не всепоглощающее горе, а слепое отрицание.

Лу Янь встретил Чао Цы в восемнадцать лет. Тот появился в его жизни внезапно, но вскоре стал её неотъемлемой частью. Юноша любил риск, любил ходить по краю, раз за разом ставя свою жизнь на кон в безумной игре со смертью. Он тысячи раз представлял собственную кончину, но ему никогда и в голову не приходило, что и Чао Цы тоже может «умереть».

Как это возможно? Он был так силен. В памяти мужчины этот человек всегда оставался невозмутимым и тихим — ничто в мире не могло лишить его самообладания.

Но стоило Лу Яню всмотреться в застывшее лицо, как остатки надежды и попытки обмануть самого себя начали медленно, капля за каплей, вытравливаться из его сердца беспощадной реальностью.

Он медленно опустился на край ложа. Подняв безжизненно свисающую руку юноши, мужчина крепко сжал её в своих ладонях, и из его груди вырвался надрывный, похожий на скуление стон.

Он прижимался губами к истерзанным проклятием кончикам пальцев, сквозь которые уже белели кости, и что-то бессвязно шептал сквозь рыдания, но слова его тонули в тишине.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом, унося с собой последние крупинки тепла.

Ночь сгущалась, окутывая мир холодом, от которого трава и листва покрылись инеем.

Когда первые лучи рассвета вновь забрезжили на востоке, человек, просидевший в оцепенении всю ночь, так и не дождался чуда.

Лу Янь поднял Чао Цы на руки и, спотыкаясь, побрел прочь из этого места.

А настоящий Лу Янь всё это время наблюдал за происходящим со стороны, словно невидимый призрак. В его душе что-то беззвучно кричало.

Как только «он» из сна скрылся вместе с телом Чао Цы, видение резко сменилось. Теперь Лу Янь видел юношу, лежащего в ледяном саркофаге.

Вокруг высились стены, высеченные из вечного льда, и всё пространство заливал ослепительный, мертвенный блеск. Лу Янь не знал, как он здесь оказался, но каким-то шестым чувством мгновенно осознал суть происходящего: Проклятие, пожирающее кости, продолжало терзать плоть даже после смерти, и «он» из сна, не в силах изгнать скверну, заточил возлюбленного в ледяной гроб из десяти тысячелетнего нефрита. Только так можно было замедлить разрушение тела.

Он увидел, как «он» входит внутрь. На черных волосах двойника мгновенно осел иней, но тот даже не вздрогнул.

Склонившись над саркофагом, мужчина прижался лицом к холодному камню и что-то тихо зашептал, едва шевеля губами.

В отличие от предыдущей сцены, полной иступленного горя, сейчас «он» казался странно нежным и спокойным. Но настоящий Лу Янь знал себя лучше, чем кто-либо другой: он видел в глубине этих глаз затаившееся безумие и бездонное отчаяние.

Затем образы замелькали с бешеной скоростью.

Он видел, как раз за разом возвращался в ледяной чертог, проводя у гроба долгие дни и ночи. Однажды «он» заметил, что белизна костей проступила сквозь плоть на еще одной фаланге Чао Цы, и в тот же миг его глаза налились багровым светом.

После этого он принес в пещеру множество магических предметов и начал чертить на льду сложные символы.

Ледяная зала была огромной, но приземистой, напоминая зажатый между пластами льда мирок. Лу Янь наблюдал, как «другой он» лихорадочно выстраивает формацию.

Когда работа была наполовину завершена, мужчина догадался: это был Обряд призыва души.

Проклятие должно было поглотить душу без остатка, но теплилась призрачная надежда, что хоть одна искра, хоть крошечный осколок сознания затерялся где-то между небом и землей.

Картины перед глазами неслись вскачь, пока формация не была закончена.

И тогда наступил крах.

Попытка за попыткой оборачивались неудачей. Отчаяние в глазах «его» двойника становилось всё острее, грозя выжечь разум.

Как бы лед ни сдерживал Проклятие, пожирающее кости, время было неумолимо. Вскоре кости Чао Цы обнажились уже до самого плеча.

Однажды Лу Янь увидел, как волосы юноши почти полностью поседели за одну ночь.

В тот миг «он» из сна впервые заплакал. Он рыдал, исказив лицо в ужасной гримасе, и его истошный, почти звериный крик, полный боли, эхом метался под сводами ледяного чертога.

Видение снова рассыпалось в прах.

На этот раз Лу Янь не видел лиц. Среди бескрайней белой пустоты звучали лишь два голоса.

«Лу Янь, я помог тебе обрести божественность, дабы ты возродил Царство богов, а не для того, чтобы ты сеял хаос и творил беззаконие!»

«Тогда просто убей меня, и делу конец» — последовал холодный ответ.

«...»

«Молчишь? Всё потому, что ты не в силах меня убить. И чем дольше ты это скрываешь, тем очевиднее становится твоя слабость».

«...Ты хочешь повернуть время вспять, но никто прежде не отваживался на такое! Ты рискуешь развеять собственную душу в небытии!»

«Это была бы не самая плохая участь».

«Даже если тебе удастся... После возвращения у тебя не останется памяти о случившемся. И он всё равно умрет».

«Но это мой единственный шанс».

Лу Янь резко распахнул глаза. Перед ним по-прежнему лежал Чао Цы с плотно сомкнутыми веками.

В этот миг облик юноши почти слился в его сознании с тем полуистлевшим телом из сна, и ледяной ужас едва не разорвал его сердце. Он судорожно хватал ртом воздух, а в голову словно вонзились тысячи раскаленных игл — колоссальный пласт воспоминаний насильственно врывается в его разум.

Он хрипло, надрывно рассмеялся. Звук получился сухим и колючим.

Оказывается, он терял Чао Цы уже во второй раз.

Всё, что он видел во сне, происходило на самом деле. Разница была лишь в том, что в прошлой жизни юноша не дожил до того момента, когда Лу Янь нашел его. Он умер от проклятия в одиночестве, в той самой бамбуковой хижине.

Позже, когда сотни обрядов призыва не дали результата, мужчина был вынужден признать правду: Чао Цы не оставил после себя даже крупички души.

Он не мог вернуться.

Тогда он начал копить силы, пока не стал угрозой для самой Воли Мира, заставив её повернуть время вспять.

Чтобы дать Чао Цы хоть какую-то надежду, он использовал всё свое могущество, лишь бы продлить жизнь юноши на несколько месяцев. Тогда он верил: если тот дотянет до его возвращения, он сделает всё, чтобы исцелить его.

Как же это было нелепо.

Шанс, ради которого он поставил на кон всё сущее, обернулся не спасением, а новой пыткой.

Он не только не помог Чао Цы, но и, поддавшись ревности и темным порывам, обрек его на бесконечные унижения и муки, раз за разом толкая к краю бездны.

Если бы юноша действительно умер тогда, в той хижине... для него это стало бы милостью небес.

Только сейчас Лу Янь окончательно прозрел, раз за разом повторяя про себя одну и ту же мысль:

«Лу Янь, ты — чудовище»

Но даже понимая, что его присутствие приносит лишь страдание...

«А-Цы, я всё равно хочу, чтобы ты жил. Прости меня»

Лу Янь не отходил от Чао Цы, непрерывно вливая в него жизненную силу.

Поначалу это давалось ему легко. Как божество этого мира, он повелевал самой энергией неба и земли, направляя её потоки в угасающее тело.

Но проклятие крепло, становясь всё прожорливее. Спустя месяц мужчина был вынужден подпитывать юношу каждую секунду. Стоило ему на миг ослабить поток силы, как темные волосы А-Цы начинали стремительно белеть.

Юноша не открывал глаз, словно погрузившись в вечный сон. Но его сердце всё еще билось, а пульс, пусть и слабый, дарил Лу Яню призрачную надежду.

Всё Царство богов было покрыто сетью магических печатей, стягивающих сюда жизненную энергию со всех уголков двух миров.

Прошло еще два месяца. Наступил день, когда даже колоссальных объемов силы стало недостаточно — пряди волос Чао Цы одна за другой начали превращаться в серебро.

Лу Янь задрожал, охваченный запредельным ужасом. Он услышал, как в зал кто-то вошел.

— Проклятие, пожирающее кости, выросло настолько, что ни печати сбора духа, ни твоя сила больше не могут его сдержать, — голос, прозвучавший за спиной, был спокоен и холоден. — Если ты действительно бог, быть может, эссенция твоей божественной крови поможет тебе выиграть еще немного времени.

Лу Янь замер, не в силах пошевелиться.

— А когда не хватит эссенции — придет черед крови из самого сердца. А затем — и плоти, вырванной из груди.

<http://bllate.org/book/15361/1417029>